DOI: 10.31168/2618-8589.2021.23.12

Т. В. Шалаева
(Москва)

Мотивационный аспект на картах «Лексического атласа русских народных говоров»

В статье рассматриваются мотивационные карты «Лексического атласа русских народных говоров» на примере одной из них, содержащей мотивационные признаки названий воробья. Карты данного типа демонстрируют различия в количестве и частотности лексем, в которых присутствует определенный мотивационный признак, а также их территориальное распространение. Кроме того, подобный анализ материала позволяет прояснить внутреннюю форму отдельных слов и в результате конкретизировать их место в данной лексической группе.

Ключевые слова: русская диалектология, лингвистическая география, «Лексический атлас русских народных говоров», мотивационные признаки, этимология, воробей.

Как и в любом лингвистическом атласе, посвященном словарному составу языка, в «Лексическом атласе русских народных говоров» главным образом представлены диалектные различия, которые касаются собственно лексики (то есть на карте отображаются различные названия одного явления), словообразования (когда целью карты является показать, какие аффиксы используются для выражения одного и того же значения) и семантики (когда картографируются значения одной лексемы) [ЛАРНГ 1: 7–8]. Кроме того, в атласе содержатся мотивационные карты — они репрезентируют признаки предметов и явлений, которые стали основой для номинации, то есть для обозначения тем или иным корнем и по той или иной семантической модели [ЛАРНГ 1: 7; Вендина 2019: 308–309]. Этот тип карт и будет рассмотрен ниже на одном конкретном примере.

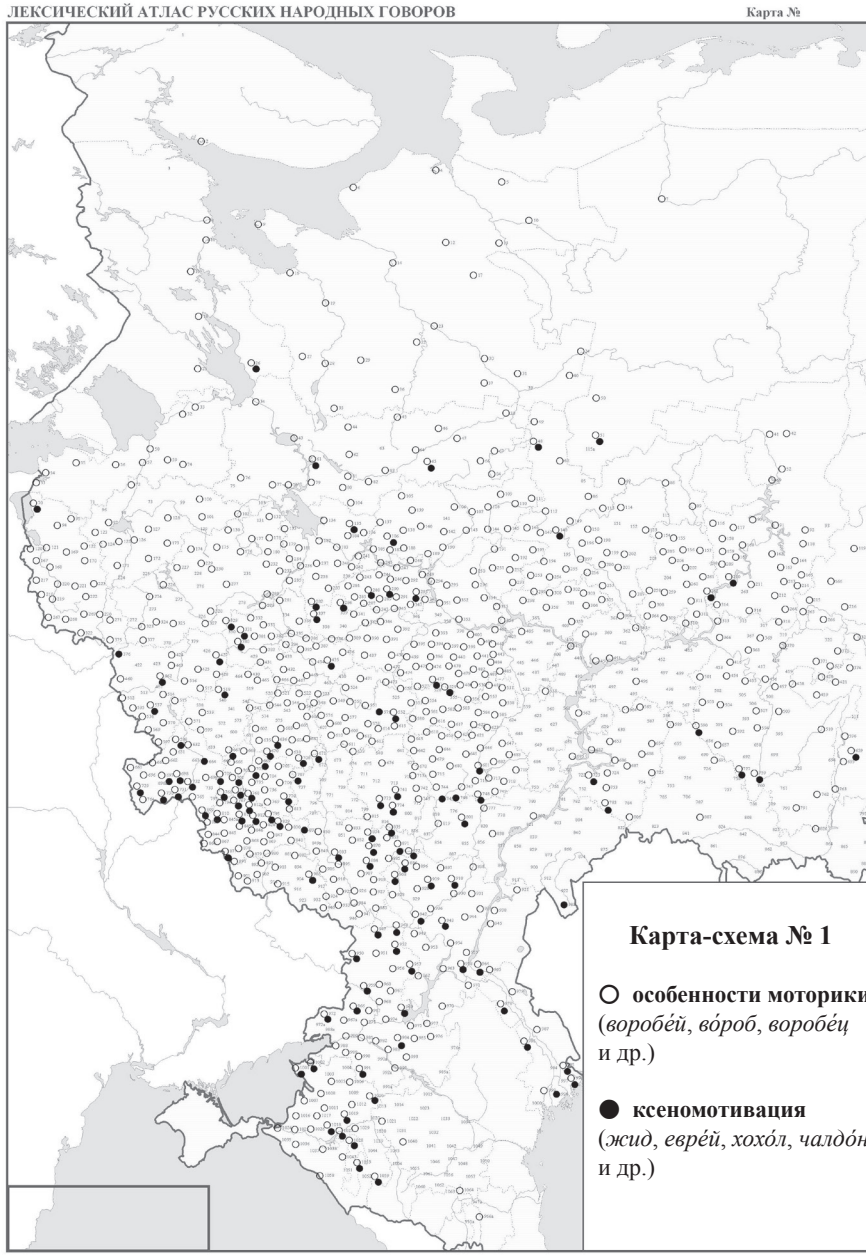
На мотивационных картах знаками разной формы и цвета даются мотивационные признаки различных названий одной реалии. При этом они не только показывают разнообразие этих моделей, но и наглядно демонстрируют их частотность, а также количественное и пространственное соотношение. Конкретным объектом анализа в данном случае служат обозначения птицы воробей (*Passer*), представленные в материалах второго тома «Лексического атласа русских народных говоров» «Животный мир».

Так, наиболее распространенным, повсеместным признаком номинации воробья являются характерные черты его моторики, манера двигаться (см. карту-схему № 1[1]). Эта особенность отразилась в наименованиях с корнем *вороб-*/*вереб-*/*гороб-* с его первичным значением ‘вертеть(ся), вращать(ся)’ [Журавлев 1980: 52–53, 56–58]: *воробе́й*, *во́роб*, *воро́б*, *воро́ба*, *воробе́ц*, *воро́быш*, *воро́бка*, *воробо́к*, *воробе́ль*, *веребе́й*, *горобе́ц*, *горобе́й* и др. [ЛАРНГ 2]. Таким образом, главным, наиболее заметным качеством воробья в русском языке предстает его подвижность, склонность вертеться, не сидеть на месте.

Следующим по частотности мотивационным признаком в обозначениях воробья является его уподобление человеку, который принадлежит к чужой для населения данной местности национальности. Такие наименования представляют собой результат перенесения на птицу этнонима (названия этноса) или ксенонима (названия инородца). Применительно к воробью это такие обозначения, как *жид*, *жи́дик*, *жи́дрик*, *жида́к*, *евре́й*, *парха́тый*, *хохо́л*, *чалдо́н* [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 182]. Последняя лексема на русской территории позднего заселения первоначально является обозначением пришлого человека, недавнего выходца из России и, предположительно, заимствованием из монгольских языков [Фасмер IV: 326]. На карте-схеме № 1 отчетливо видно, что концентрируются подобные наименования в юго-западных говорах, что, видимо, объясняется наиболее интенсивными контактами их носителей с нерусским населением.

Нужно сказать, что ксеномотивация — это довольно частотный способ именования животных, насекомых, пресмыкающихся и птиц, которые вызывают у человека негативные эмоции. В их число входят тараканы, мухи, оводы, вши, клопы, мальки рыб, головастики, крысы, а также птицы — воробей и удод [Березович 2007: 426–433; ОЛА 1: 50–51]. Эти живые существа называются по их повадкам (например, навязчивость, вредоносность, массовость появления для насекомых, воробьев, крыс), по необычному внешнему виду и издаваемым звукам (например, удод) или по низкой промысловой ценности (например, мальки рыб и головастики). Обычно в этих лексемах используются корни *жид-*, *еврей-*, *цыган-*, *татар-*, *нем-*, *швед-*, *прус-*, *шваб-* и т. д. [там же]. Подобные лексемы свойственны различным славянским и неславянским языкам.

[1] Карта-схема № 1 составлена по материалам следующих карт: № 58 по вопросу Л 249 «Воробей», № 59 по вопросу ЛСЛ 250 «Самка воробья», № 60 по вопросу ЛСЛ 251 «Птенец воробья» (автор — В. Н. Гришанова) [ЛАРНГ 2].


ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
Карта №
Карта-схема № 1
○ особенности моторики
(воробéй, вóроб, воробéц и др.)
● ксеномотивация
(жид, евréй, хохóл, чалдóн и др.)

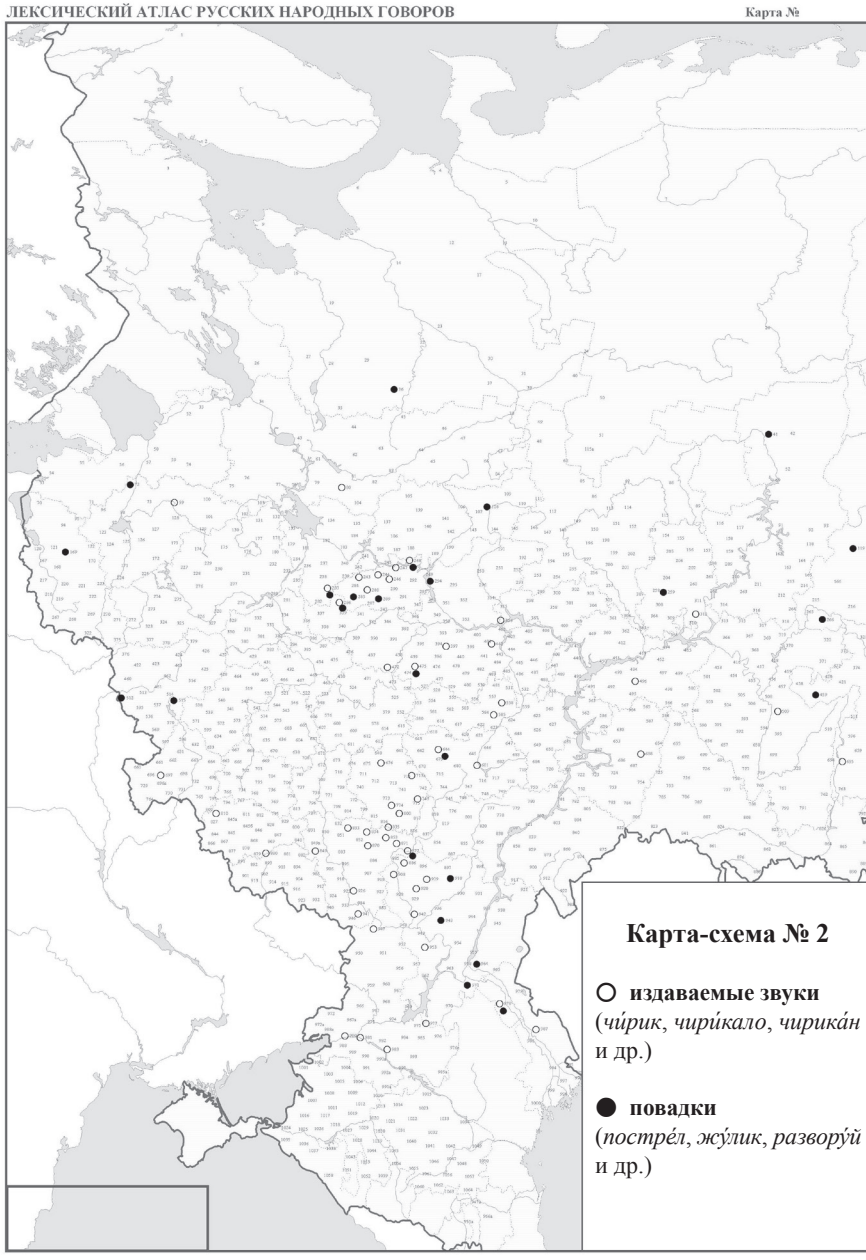
Еще один признак номинации в названиях воробья — издаваемые им звуки. Например, это лексемы *чи́рик*, *чири́к*, *чири́калка*, *чири́кало*, *чирика́н*, *чирика́нец*, *чиркý́н*, *чи́рлик*, *чи́лик*, *чили́к*, *варакýша*, *трескýн* и др. [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 181]. Акустический признак, по данным тома ЛАРНГ «Животный мир», в орнитонимах является одним из преобладающих. Однако в обозначениях воробья он не самый частотный. Это можно наблюдать и на карте-схеме № 2[2], где он отмечается в основном в средне- и южнорусских говорах.

Далее в порядке убывания по количеству следуют наименования воробья, в которых отразились его повадки, манера поведения в том виде, в каком они воспринимаются носителями диалекта. На карте-схеме № 2 соответствующие знаки равномерно распределены по всей картографируемой территории. А именно, воробей снова характеризуется как подвижная юркая птичка, что выражается в лексемах *прово́рыш* (удмурт.) и *постре́л* (иван., свердл.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 180]. Также в его обозначениях отразился способ приема пищи — в лексеме *клевýн* (пенз.) [ЛАРНГ 2].

Кроме того, воробью приписывается склонность к воровству, что следует из наименований *жýлик* (астрахан.), *развóрýй* (ворон.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 182], *ворúшко* (челяб.) [КЛАРНГ]. Известно, что воробьи наносят вред сельскому хозяйству, поскольку обклевывают злаковые и ягодные растения. Такое свойство объединяет их в народном сознании с грызунами, насекомыми и другими вредителями. По этнолингвистическим сведениям, обереги посевов от воробьев аналогичны оберегам от мышей и гусениц, а в Белоруссии существует поверье о превращении воробьев в мышей и наоборот в зависимости от погоды [Гура 1995: 430]. С другой стороны, мотив воровства объединяет воробья с другими «нечистыми» птицами, имеющими черную или серую окраску — воронами, галками, грачами и т. п. [там же: 431].

По-видимому, сближение воробья с другими представителями фауны нашло ономасиологическое выражение в языке. А именно, в русских говорах известна лексема *горобéц* с общерусским значением ‘воробей’ [ЛАРНГ 2; СРНГ 7: 54]. Что касается происхождения, то корень *горо́б-* в ней является фонетическим вариантом *вороб-* (ср. *воробéц* ‘воробей’) [ЕСУМ 1: 569–570]. Помимо воробья, *горобéц* используется для наименования других птиц, в частности хищных — вороны и коршуна (респ.

[2] Карта-схема № 2 составлена по материалам тех же карт, что и карта-схема № 1.


ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
Карта №
Карта-схема № 2
○ издаваемые звуки
(чи́рик, чири́кало, чирика́н и др.)
● повадки
(постре́л, жу́лик, развору́й и др.)

Татарстан) [ЛАРНГ 2], что объясняется их близостью в народной традиции на основе общих воровских повадок. Также *горобе́ц* фиксируется в значении ‘суслик’ (удмурт., влад., моск., астрах.) [там же; СРНГ 7: 54] — данную номинацию, кажется, можно истолковать как результат перенесения названия воробья на грызуна, с которым он соотносится по сходству повадок и вреду, наносимому хозяйству (см. выше).

При детальном анализе мотивационных моделей той или иной лексической группы можно определить происхождение отдельных слов и, тем самым, вписать их в нее. Примером тому служат отмеченные в материалах карт ЛАРНГ «Воробей», «Самка воробья» и «Птенец воробья» лексемы *пасáк* (пск., новг.), *пасáч* (волгоград.) с дериватами *пасачи́ха* ‘самка воробья’ и *пасачо́нок* ‘птенец воробья’ (волгоград.) [КЛАРНГ]. По имеющимся сведениям, в словарях и в этимологической литературе эти формы не упоминаются и их принадлежность к названиям воробья неочевидна. Однако в русских говорах отмечены следующие лексемы: *посáк* ‘вор, мошенник’ (пск., твер.) [СРНГ 30: 137], *посáч* ‘босяк, оборванец’ (олон. (?)), (мн.) ‘жулики, мошенники’ (калин.), ‘ловкач’ (Латв. ССР) [СРНГ 30: 138], *посáчить* ‘попрошайничать, собирать милостыню’ (олон. (?)) [там же], *посáчество* ‘бродяжничество, попрошайничество’ (олон. (?)) [там же]. Кроме того, в новгородской берестяной грамоте первой половины XIV века встретилось слово *посакъ* в контексте: *уов ортимие уо посака три берековесеке* «У Ортемьи-посака (*или*: Посака) три берковца [вероятно, соли]» (грамота № 1082) [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017: 15][3]. Очень высока вероятность того, что приведенные выше названия воробья появились в результате переноса на юркую птичку данного названия человека, живущего за чужой счет, аналогично их упоминавшимся синонимам *жу́лик*, *развору́й* и *вори́шко*. В таком случае в фонематической записи их следует дать как *посáк*, *посáч*, *посачи́ха* и *посачо́нок*.

В русских говорах представлены и другие наименования воробья, содержащие негативную коннотацию: *дрист* (свердл.), *дристу́н* (арх., свердл., иван.), *дристуне́ц* (нижегор.), *живодри́стик* (волгоград.), *сралéц* (иван.) [ЛАРНГ 2]. Их можно трактовать как названия, мотивированные физиологическими особенностями воробья — обилием его помёта [Гришанова 2015: 180], или как исключительно выражение отрицательной эмоции (ср. разг. бран. *засра́нец*, *говнюк*). С другой стороны, в русском

[3] Выражаю благодарность редакционной коллегии сборника за указание на данный источник.

языке отмечены однокоренные с ними лексемы со следующими значениями: *дриста́ть*, *дристану́ть* ‘бояться’ (*Дристанул путча*? (о событиях в августе 1991 г.)), *дрист* ‘страх, ужас’, *дристу́н* ‘трус’, *дристу́чий* ‘трусливый, малодушный’ [Елистратов 2007: 113], *срать* ‘бояться, опасаться’, *сраль*, *сруль* ‘руг. (часто о трусе)’ [там же: 388]. Если, действительно, внутреннюю форму *дрист*, *дристу́н*, *дристуне́ц*, *сралéц* можно сформулировать как «пугливый, трус», то к названиям воробья допустимо достаточно надежно отнести имеющиеся в материалах ЛАРНГ слова *пу́дик* (костром., иван.), *пудя́к* (яросл.) и *пу́дель* (смол.) [КЛАРНГ]. Они, по всей видимости, являются производными глаголов *пу́дить*, *пуди́ть* ‘пугать’ (вят., зап., пск., смол.), *пу́диться*, *пуди́ться* ‘пугаться’ (пск., волог.), ‘беспокойно двигаться, метаться (о лошади)’ (киров., вят.) [СРНГ 33: 108], и их исходное значение можно определить как ‘пугливая птичка’. Эта версия подтверждается и с точки зрения лингвогеографии, поскольку и названия воробья *пу́дик*, *пудя́к*, *пу́дель*, и их предполагаемые производящие основы отмечаются в основном в севернорусском наречии (вологодские, костромские, ярославские, вятские говоры), а также в западной части средне- и южнорусских говоров (псковские и смоленские говоры). Однако не исключено, что указанные лексемы служат названием не только воробья, но и любой мелкой птицы: ср. краснодар. *пу́дик* ‘птенец синицы’ [ЛАРНГ 2].

Возвращаясь к мотивационным признакам в названиях воробья, следует сказать о наименее распространенных из них. Во-первых, это внешний вид, окрас оперения — он представлен в лексемах *се́рый* (удмурт.), *серы́ш* (волог.), *серя́вка* (тамбов.), *рыжа́тик* (краснодар.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 180]. Он разреженно фиксируется в разных частях Европейской России. Во-вторых, это место обитания воробья, представление о котором отразилось в наименовании *кобыля́тник* (нижегор.) [ЛАРНГ 2; Гришанова 2015: 182]. Известно, что воробьи обычно слетаются к лошадиному стойлу, где много овса. В-третьих, в тех же владимирско-поволжских говорах на территории Нижегородской и Владимирской областей дважды отмечена лексема *колду́н* ‘воробей’ [ЛАРНГ 2]. Видимо, в ней выражено народное представление о его магических способностях: у восточных славян есть поверья, что воробей, как и многие другие птицы, может предвещать будущие события, а именно, пролетевший с чириканьем над головой путника сулит неудачу, а влетевший в окно — большую беду или покойника [Гура 1995: 431]. Также показательна здесь и приписываемая воробью способность превращаться в мышь (см. выше).

Подводя итог, можно сказать, что картографирование первичных мотивационных признаков, основанное на их подробном анализе, позволяет, во-первых, выстроить их градацию в отношении частотности употребления и количества лексем, в которых они представлены; во-вторых, наглядно показать их локализацию; в-третьих, на фоне представленного материала прояснить затемненную внутреннюю форму отдельных слов и надежно определить их место в данной лексической группе.

Литература

Березович 2007 — *Березович Е. Л.* О явлении лексической ксеномотивации // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 404–467.

Вендина 2019 — *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас и культурологическая география // Prace filologiczne. 2019. T. LXXIV. S. 301–313.

Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017 – *Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.

Гришанова 2015 — *Гришанова В. Н.* Номинации воробья как отражение мировосприятия носителей говоров // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2015 / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2015. С. 178–183.

Гура 1995 — *Гура А. В.* Воробей // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 430–433.

Елистратов 2007 — *Елистратов В. С.* Толковый словарь русского сленга. М., 2007.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.

Журавлев 1980 — *Журавлев А. Ф.* К этимологии слав. **vorb*- ‘птица Passer, воробей’ // Этимология. 1978 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1980. С. 52–58.

КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

ЛАРНГ 1 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.

ЛАРНГ 2 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2021 (в печати).

ОЛА 1 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная Вып. 1. Животный мир / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.; Л., СПб., 1965–2021–.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2003. Т. I–IV.

Summary

Tatiana Shalaeva

Motivational Aspect on the Maps of "Lexical Atlas of the Russian National Dialects"

The paper describes motivational maps of "Lexical Atlas of the Russian National Dialects" using one of them as an example. This map (it is presented in two parts) includes motivational attributes of the names for sparrow and is based on the Atlas materials. The maps of this type enable to show differences in frequency and quantity of words in which the concrete attribute is used. Also they demonstrate their geographical localization. And apart from this their analysis makes possible to clarify the inner form of some words and as a result to define their position in a given lexical group.

Keywords: Russian dialectology, linguistic geography, "Lexical Atlas of the Russian National Dialects", motivational attributes, etymology, sparrow.